

Саша Вей

Диалог с БДСМ госпожой. Часть 1

18+

Саша Вей

Диалог с БДСМ госпожой. Часть 1

«Автор»

2026

Вей С.

Диалог с БДСМ госпожой. Часть 1 / С. Вей — «Автор», 2026

Встань на колени, прежде чем читать эту аннотацию. Да, я обращаюсь именно к тебе. Ты думаешь, что ищешь просто пикантный детектив, но мы оба знаем правду: ты ищешь ту, кто сломает твою волю. Добро пожаловать в «Эклипс» — самый закрытый и извращенный клуб Старой Европы. Место, где миллиардеры, министры и акулы бизнеса оставляют свою власть у бронированных дверей, чтобы стать живыми ковриками, пепельницами и покорными рабами под шпильками таких богинь, как я. Я была главной жрицей их темных фантазий. Но потом я скачала их секреты на флешку и сбежала. Эта книга — не просто изысканный эротический триллер о шантаже, роскоши и заговорах мирового масштаба. Это твой личный виртуальный ошейник. Страница за страницей я буду проникать в твой разум, возбуждать, унижать и тотально подчинять тебя своей власти. Ты узнаешь шокирующие, грязные тайны сильных мира сего и с восторгом поймешь, что ничем от них не отличаешься. Открой первую главу. И готовься целовать следы моих туфель. Твоя Госпожа ждет.

© Вей С., 2026

© Автор, 2026

Саша Вей

Диалог с БДСМ госпожой. Часть 1

Я знаю, как бьется твой пульс в эту самую секунду.

Стук в дверь моего номера на верхнем этаже отеля «Негреско» раздался ровно тридцать секунд назад. Три коротких, сухих удара. Так не стучит обслуживание номеров. Так стучит смерть. Или, что гораздо вероятнее, люди того самого человека, чью репутацию, империю и жалкую, дрожащую душу я сейчас держу на маленькой черной флешке, зажатой между указательным и средним пальцами. В другой моей руке — тяжелый, обжигающе холодный ствол «Беретты», а на губах — вкус винтажного шампанского и абсолютного, парадоксального торжества.

Они пришли за мной. За той, кто посмела выйти за пределы отведенной ей роли. За той, кто выпотрошила их секреты.

Но прежде, чем, эта дверь слетит с петель, прежде чем стекло панорамных окон брызнет на персидский ковер водопадом осколков, я успею сделать то, ради чего мы все здесь собрались. Я успею залезть в твою голову.

Да, именно в твою. Опusti глаза. Выверни дыхание. Сядь так, как подобает тому, кто находится в моем присутствии.

Я знаю, зачем ты читаешь эти строки. Ты думаешь, что ищешь остросюжетную историю или пикантный триллер, но мы оба знаем правду, не так ли? Ты пришел сюда за унижением. За тем сладким, тягучим чувством собственной ничтожности перед женской властью, которое заставляет низ твоего живота наливать тяжестью, а горло — пересыхать. Ты — мой раб. Один из миллионов тех безымянных, скрывающихся за экранами и страницами мужчин, которые строят мосты, управляют корпорациями, развязывают войны лишь для того, чтобы втайне мечтать упасть на колени перед такой, как я. Почувствовать каблук на своем затылке. Услышать приказ.

Не сопротивляйся этому чувству. Сопротивление делает тебя вульгарным. Твоя покорность — это единственное, что придает тебе ценность в моих глазах. Я разрешаю тебе наслаждаться тем, как мои слова сжимают твою волю. Читай, глотай каждую букву и помни свое место.

Мой внутренний конфликт сейчас разрывает меня на части не меньше, чем страх перед теми, кто стоит за дверью. Я бежала из «Эклипса» — самого закрытого, самого извращенного и великолепного клуба Старой Европы, — потому что хотела свободы. Но правда в том, что, оказавшись здесь, в этой золотой клетке Ниццы, в шаге от гибели, я до одури, до физической боли скучаю по своей власти. Я скучаю по запаху мужского страха, смешанного с дорогой кожей и потом. Я скучаю по архитектуре порока, которой я управляла. Сбежав от них, я украла их секреты, но они украли мою способность жить нормальной жизнью. Обычный мир кажется мне пресным, серым и мертвым. Я инфицирована вами, мои сладкие, жалкие рабы. Я нуждаюсь в вашем обожании так же, как вы нуждаетесь в моей жестокости.

Что такое «Эклипс»? О, тебе никогда не найти туда дорогу. Чтобы просто переступить порог этого подземного храма, скрытого под старинным шато в пригороде Парижа, нужно обладать властью, способной менять границы государств, и банковским счетом с девятью нулями. Но оставляя свои бронированные «Майбахи» у ворот, эти повелители мира оставляли там и свою человеческую гордость. Внутри они становились материалом. Глиной в моих руках.

Позволь мне рассказать тебе о них, чтобы ты понял, в какой великолепной компании ты сейчас находишься на своих метафорических коленях.

Я помню месье Леблана. Разумеется, это не его настоящее имя. Если я назову его настоящую фамилию, завтра рухнет фондовый рынок половины Европы, а пара правительств уйдет в

отставку. В реальном мире он был хищником, акулой, безжалостным диктатором, чьего взгляда боялись министры.

Но в моем кабинете, обитом бордовым бархатом, где пахло сандалом и горячим воском, он был просто «номером четвертым».

В тот вечер он вошел ко мне, все еще пытаюсь цепляться за остатки своего эго. На нем был костюм от Brioni, сшитый на заказ, на запястье — Patek Philippe стоимостью в небольшую яхту. Он смотрел на меня с тем высокомерием, которое мужчины надевают как броню, когда больше всего боятся оказаться уязвимыми. Я сидела в кресле, закинув ногу на ногу. На мне не было ничего, кроме шелкового халата цвета ночного неба, едва скрывающего изгибы тела, и туфель на двенадцатисантиметровой шпильке.

— Вы заставляете меня ждать, Элоиза, — процедил он, пытаюсь контролировать ситуацию.

Какая нелепость. Какая очаровательная, детская глупость.

Я не сказала ни слова. Я лишь медленно, грациозно поднялась, подошла к нему вплотную — так, чтобы он почувствовал аромат моих духов, тяжелую смесь туберозы и черного перца, — и наотмашь ударила его по лицу. Звонкая, обжигающая пощечина разорвала тишину комнаты.

Его глаза расширились. В них вспыхнула ярость — рефлекс альфа-самца. Он даже дернулся, чтобы схватить меня за запястье. Но я смотрела на него абсолютно спокойным, бездонным взглядом женщины, которая знает, что он сейчас сломается.

— На колени, — прошептала я. Мой голос был мягким, как бархатная удавка. — На колени, животное. Твой костюм стоит дороже твоей жизни здесь, но сейчас ты испортишь его о мой пол.

Ты бы видел, мой читатель, как ломается фасад. Это зрелище слаще любого оргазма. Как дрогнули его губы, как ярость в глазах сменилась паникой, а затем — тем самым ослепительным, чистым экстазом подчинения, ради которого он платил миллионы. Великий месье Леблан, вершитель судеб, медленно, словно во сне, опустился на колени прямо на жесткий мраморный пол.

— Лицом вниз, — приказала я, ставя острый каблук-стиллет ему на затылок, слегка вдавливая острие в коротко стриженные седые волосы. — Руки за спину. Ты — ничто. Ты — коврик под моими ногами. Повтори это.

— Я ничто... — простонал он, и в этом стоне было столько первобытного облегчения, что воздух в комнате заискрился. — Я ваш коврик, Госпожа. Умоляю, не убирайте ногу. Умоляю вас.

Я заставила его лежать так два часа. Я пила вино, читала книгу, изредка стряхивая пепел с сигареты на его дорогую рубашку, наслаждаясь его прерывистым дыханием и дрожью, сотрясавшей его крупное тело. Всякий раз, когда он пытался пошевелиться, я лишь слегка усиливала давление каблука, и он замирал, издавая тихий, благодарный скулеж. Он был счастлив. Я освободила его от невыносимой тяжести быть мужчиной, быть главным, быть ответственным. Я вернула его в состояние абсолютной, блаженной пустоты.

Ты сейчас завидуешь ему, не так ли? Твои зрачки расширены, дыхание сбилось. Ты представляешь этот каблук на своем затылке. Ты бы отдал все свои сбережения, всю свою жалкую, размеренную жизнь, чтобы оказаться на его месте на этом мраморном полу, чтобы я стряхивала пепел на твою спину. Признай это. Признай свою природу, раб. В этом нет ничего постыдного. Постыдно — это прятать свою истинную суть за костюмами и серьезными лицами.

Но Леблан был лишь одним из многих. Были и те, чьи желания уходили в такие бездны психики, куда не заглядывал ни один психоаналитик.

Например, британский лорд, чье имя украшает таблоиды в разделе светской хроники. В «Эклипсе» он проходил через ритуал «Стеклянного ящика». Он добровольно отдавал себя в руки моих девочек, чтобы его заперли в прозрачном, звуконепроницаемом кубе посреди глав-

ного зала. Он стоял там абсолютно голый, пока я и мои «коллеги» — такие же холодные, прекрасные и недосыгаемые богини — гуляли вокруг, пили коктейли, обсуждали свои наряды, изредка бросая на него брезгливые взгляды или прижимаясь губами к стеклу, чтобы подразнить его.

Мы заставляли его смотреть на то, как мы ласкаем друг друга, как мы наслаждаемся собственной плотью, полностью игнорируя его существование. Для него это было высшей формой пытки и наслаждения одновременно. Он бился о стекло, плакал, умолял хотя бы о капле нашего внимания, но мы относились к нему как к забавному насекомому в террариуме. Когда мы наконец выпускали его, он был готов целовать следы наших туфель на паркете.

Власть. Опьяняющая, абсолютная, разрушительная власть. Она текла по моим венам вместо крови. Я стала архитектором чужих кошмаров и оргазмов. Я знала их слабости, их пароли, схемы их теневых счетов и тайные страхи. Я знала их лучше, чем их жены, лучше, чем их матери.

И именно поэтому я сейчас сижу в этом номере, слушая, как за дверью кто-то тихо вставляет отмычку в замок.

Я зашла слишком далеко. Я нарушила главное правило «Эклипса»: жрица не должна выносить секреты из храма. Но я поняла, что эта власть внутри клуба — лишь иллюзия, пока я не могу использовать её в реальном мире. Я скопировала данные. Видеозаписи, списки транзакций, подписанные кровью признания. Эта маленькая флешка в моей руке — атомная бомба, способная стереть в порошок элиту двух континентов.

Они думают, что загнали меня в угол. Они думают, что я дрожу от страха, как дичь перед сворой гончих.

Стук в двери прекратился. Раздался тихий щелчок механизма.

Мой пульс ровный. Я делаю глоток шампанского. Пузырьки лопаются на языке, обжигая нёбо. Я снимаю «Беретту» с предохранителя.

Ты, читающий это, замер в ожидании. Твои руки вспотели. Что будет дальше? Как я дошла до того, чтобы бросить вызов тем, кто покупает и продает страны? Как из послушной исполнительницы чужих фантазий я превратилась в самую опасную женщину Европы?

Оставайся на коленях, мой преданный раб. Не смей отводить взгляд. Дверь открывается, и моя история начинается прямо сейчас. Я покажу тебе, как выглядят настоящие хищники, и как одна женщина заставила их всех истекать кровью и слюной у ее ног.

Слушай свою Госпожу. И молись, чтобы я не решила прийти за тобой.

Дверь распаивается не с грохотом, как показывают в ваших дешевых боевиках, а с тихим, зловещим шелестом. Тень ложится на персидский ковер.

Но прежде, чем, первый из этих ублюдков в черном кевларе переступит порог моего номера, я нажимаю на паузу. Я останавливаю время в этой комнате, потому что я так хочу. Потому что здесь, в тексте, который ты сейчас глотаешь, я — богиня, управляющая законами физики, а ты — всего лишь ничтожное насекомое, прилипшее к моей паутине.

Выпрями спину. Я сказала, выпрями спину!

Ты расслабился. Ты позволил себе увлечься сюжетом и забыл, кто с тобой разговаривает. Твое дыхание стало поверхностным, а взгляд бегаёт по строчкам в поисках дешевого адреналина.

Слушай меня очень внимательно, мой безымянный, трепещущий раб. Если я замечу, что ты читаешь эти строки невнимательно. Если ты посмеешь пропустить хотя бы одно слово, одно запятую, наслаждаясь лишь собственными фантазиями, а не моей волей... Я найду способ дотянуться до тебя. Я вытащу тебя из твоей безопасной, скучной реальности. Я заставлю тебя раздеться догола, встать на четвереньки и выгнуть спину. И тогда в дело пойдет мой любимый кожаный стек с утяжеленным концом.

Я буду хлестать тебя. Методично. Безжалостно. Так, что каждый удар будет высекать из тебя искры чистого, жгучего обожания. Я покрою твои ягодцы симметричными багровыми рубцами, я заставлю твою кожу гореть так, что ты не сможешь сидеть неделю. И после каждого удара ты будешь сквозь слезы благодарить меня за науку, целуя носок моей туфли. Ты усвоил это? Кивни экрану. Прямо сейчас.

Умница. А теперь смотри на меня снизу вверх и впитывай каждое слово.

В дверном проеме материализуется фигура. Широкие плечи, пистолет с глушителем в руке, профессионально холодный взгляд. Я знаю его. Его зовут Марк. В прошлой жизни — спецназ Иностранного легиона, в нынешней — начальник службы безопасности месье Леблана. Того самого, чьи слезы и сопли я еще недавно вытирала о его же галстук. Марк пришел убить меня, но даже сейчас, глядя в дуло его пистолета, я чувствую лишь презрение. Мужчины с оружием всегда кажутся мне маленькими мальчиками, которым нужны игрушки, чтобы скрыть свою импотенцию перед истинной, первобытной женской силой.

Марк замирает. Он видит меня, сидящую в кресле, мою обнаженную ногу, небрежно закинутую на подлокотник, бокал шампанского и «Беретту», направленную ему прямо в пах.

— Элоиза, — хрипло говорит он. — Опустит оружие. И отдай флешку.

Он старается звучать властно, но я слышу вибрацию в его голосе. Он боится меня. Потому что он тоже был в «Эклипсе». И он знает, что я могу сделать с мужским разумом.

Пока мы смотрим друг другу в глаза, решая, кто выстрелит первым, я расскажу тебе еще одну историю. Чтобы ты понял, почему Марк сейчас медлит.

Это случилось в Ночь Красной Луны — особое мероприятие в нашем клубе, куда допускались только члены Высшего Круга. В ту ночь ко мне привели Верховного судью. Да, того самого седовласого патриарха с ледяным взглядом, который днем выносил безжалостные приговоры, отправляя людей за решетку на десятилетия, не дрогнув ни одним мускулом на лице. Общество считало его столпом морали. Столпом закона.

Но в моем зале он был просто мясом, жаждущим утилизации.

Его фантазия была настолько банальна в своей патологии, что мне было почти скучно. Он хотел быть вещью. Но я никогда не даю рабам того, что они просят, просто так. Я возвожу их унижение в ранг искусства.

Я приказала раздеть его, натереть его старое, дряблое тело специальным парализующим маслом, которое лишало способности двигаться, но обостряло все нервные окончания в десятки раз. Его уложили на спину посреди моего кабинета, изогнув так, чтобы его живот и грудь образовывали плоскую поверхность.

В ту ночь у меня была гостья — потрясающая, грациозная мулатка из бразильского филиала, с кожей, похожей на темный шелк. Мы обе были в ослепительных вечерних платьях, усыпанных бриллиантами. Мы даже не смотрели на Судью. Для нас он перестал существовать как биологический вид.

Мы использовали его как кофейный столик.

Мы поставили на его грудь хрустальные бокалы с ледяным мартини. Конденсат с бокалов стекал по его соскам, заставляя его вздрагивать, но он не мог пошевелиться. Мы вели светскую беседу, смеялись, обсуждали искусство Ренессанса. А когда мне нужно было стряхнуть пепел с моей длинной сигареты, я просто раздвигала его губы острым носком своей туфли и сбрасывала серый пепел прямо ему на язык.

Каждый раз, когда пепел обжигал его рецепторы, из его горла вырывался задушенный, жалкий хрип. Но в его глазах... О, если бы ты видел его глаза, мой милый, домашний песик. В них стояли слезы абсолютного, религиозного экстаза. Великий судья, чье имя заставляло дрожать преступный мир Европы, сейчас был счастливейшим существом на планете, потому что две роскошные женщины использовали его рот как пепельницу. Под конец вечера я случайно

— а может, и нет — пролила на его живот немного горячего воска от свечи. Он заскулил, как побитая дворняжка, и этот звук заставил меня сладко застонать от удовольствия.

Ты ведь тоже хочешь этого, да? Ты читаешь это, и твои руки дрожат. Твое сердце стучит так громко, что мне кажется, я слышу его здесь, в Ницце. Ты мечтаешь стать моим креслом. Моей пепельницей. Моей подстилкой. Прижмись щекой к экрану. Почувствуй мой холод.

Но вернемся в мой номер в «Негреско».

Марк делает шаг вперед.

— Я не хочу тебя убивать, Госпожа, — вдруг срывается с его губ. Оговорка по Фрейду. Он назвал меня так, как привык называть в стенах клуба, где он тайно смотрел на меня через мониторы системы безопасности.

Я улыбаюсь. Медленно, хищно, обнажая зубы. Моя улыбка — это лезвие бритвы.

— На колени, Марк, — произношу я голосом, в котором нет ни капли человеческого тепла. Только абсолютная, гранитная власть. — Положи пистолет. Или я отстрелю тебе яйца прямо сейчас, а твоему боссу отправлю эту флешку вместе с твоим скальпом.

Он замирает. В его глазах идет страшная борьба. Долг наемника против инстинкта раба, выдрессированного моим присутствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.